

"Россия – это труд"

Кто этого не понимает, не любит родину, считает дирижер Теодор Курентзис

Теодор Курентзис чрезвычайно успешно продолжил работу, которую начали Владимир Спиваков и Юрий Башмет. Он сделал фигуру академического музыканта по-настоящему популярной. Частоте упоминания его имени в массмедиа могут позавидовать поп-музыканты. Блогеры (среди которых, впрочем, большинство составляют девушки) заводят сообщества, посвященные Курентзису. Он модный. Для одних он звезда, культовый персонаж. Для других — оригинальный интерпретатор, настоящий артист, культурный герой. Впрочем, мнения и тех и других не противоречат друг другу.

Курентзис делает то, в чем классическая музыка нуждалась очень давно: постепенно разрушает ее академичность. Кроме таланта дирижера для этого у него есть редкое для российского академического музыканта умение эффектно и эффективно общаться с прессой, он энергичен, очень трудоспособен и любит придумывать. Он играет не по общепринятым правилам, когда создает из музыкантов оркестра оперного театра камерный оркестр. Но это нарушение правил оказывается продуктивным. А Курентзису очень нравятся и музыкальный эксперимент, и слава. И еще Курентзис со средиземноморской горячностью любит подчеркивать, что он свой — Теодор Иоаннович. Похоже, так оно и есть.

Иностранец приезжает в Россию, учится, работает, всячески подчеркивает, что ему здесь комфортно. В чем привлекательность сегодняшней России для дирижера Курентзиса?

Курентзис не иностранец больше, потому что половину моей жизни, самый важный ее кусок, я живу в России. Нужно задать себе вопрос: кто более русский — тот, который исследует русскую музыку, или тот, который пьет пиво в ларьке и не умеет толком по-русски говорить — ругается матом. И нужно понять, что такое Россия. Это страна, с существующим образом которой мы соглашаемся? Или есть такая Россия, которую мы еще только должны увидеть? Мне кажется, что я намного более русский, чем многие из родившихся в России. Я считаю, что быть русским — труд. Пушкин, между прочим, тоже не был русским по крови. Создателя русского балета, конечно, называли Мариусом Ивановичем, но Петипа был французом. Надо стараться заслужить возможность жить здесь. В России ты встречаешь людей, которым удивляешься, радуешься.

Но ведь когда-то у совсем молодого человека, получившего музыкальное образование в Афинах, был выбор, где учиться дальше. Вы выбрали Санкт-Петербургскую консерваторию. Вы уже тогда чувствовали себя более русским, чем многие россияне?

Нет, тогда, конечно, нет. Но я с детства любил Россию. В Греции было много левых, симпатизировавших Советскому Союзу, но я был поклонником не коммунистической, а именно русской культуры. У греков вообще особенное отношение к России, религиозная общность сказывается. У нас могли говорить: «Пришли четыре иностранца и двое русских», — русские для греков не вполне иностранцы. С детства я очень любил русское искусство, и мне очень хотелось увидеть места, где оно рождается, участвовать в нем, учиться ему. Поэтому я приехал учиться в Санкт-Петербург, поэтому остался в России после окончания консерватории.

Многое из того, что вы делаете, — не вполне стандартное поведение для русского оперного дирижера. Кроме работы в Новосибирском оперном есть еще Musica Aeterna, фестиваль «Территория», постановки в других театрах...

Если у тебя есть любовь к жизни, ты должен делать все, чтобы помочь, чтобы происходили изменения к лучшему. Иногда они похожи на чудеса. В чем наша проблема? До Октябрьской революции Москва и Петербург были мировыми художественными столицами. В первые годы советской власти были очень интересные прогрессивные проекты. С 30?х годов это все прекратилось. Но самым ужасным временем для искусства стала эпоха Хрущева. По крайней мере, в сталинское время было какое-то сопротивление, пусть иногда и скрытое. В хрущевское время восторжествовала советская архитектура и то же самое произошло с музыкой. Самой большой бедой было информационное отставание от западного мира на 20 лет: здесь просто не знали, что происходит в музыкальной культуре Запада. А в 90?е годы те, кто руководил российской

музыкой, глупо старались реконструировать российское искусство 60-х годов. Нужно было не реконструировать, а строить российское искусство будущего.

Сейчас у нас всплеск моды на оркестры, но мой европейский импресарио говорит, что все российские оркестры плохо играют. Проблема в том, что люди, которые преподают в консерваториях, некавалифицированы, потому что не владеют современной информацией. Представляете, врач, который смотрит твоё горло, не знает, что произошло в медицине за последние тридцать лет! Невозможно играть Моцарта так, как играют в России! Над этим смеются! Уже все поняли, как нужно играть Моцарта, а в России говорят: нет, мы знаем, как играть Моцарта, — и играют его как русские романсы. Понимаете? Это недопустимо, а такие люди преподают. Это машина, которая делает музыкантов. Я это встречаю каждый день, когда приходят люди, которые закончили консерваторию на пять с плюсом. Они мало знают о музыке и играют просто ужасно. Конечно, они извлекают правильные ноты, но не больше.

Мы должны быть в конкуренции, мы должны быть более квалифицированными. Мы все знаем, как выглядел Берлин после войны. Сейчас там лучшие оркестры мира. А здесь, ну... Нет, Россия, друзья, это не шашлык и не дача. Россия — это труд. Кто этого не понимает, не любит родину. Любишь родину — докажи. Вот когда ты едешь на гастроли за границу, а там говорят: да, они круче, — вот это любовь к родине.

То есть все ваши многочисленные проекты — это работа по преобразению России?

Я не преобразяю Россию, я работаю для России. И стараюсь делать искусство, которое было бы первым. И придумываю вещи, которые кажутся странными. Все привыкли, что с финансовой точки зрения успешна русская музыка, которую исполняет русский оркестр, да? А в Новосибирске ансамбль из музыкантов оркестра оперного театра играет музыку эпохи барокко, и этот ансамбль популярен не только у себя в городе. Это немножко непривычно — слушать английскую барочную музыку в исполнении музыкантов из Сибири. Как-то странно, согласитесь? Нет?

Да, непривычно. Но когда мы как-то разговаривали без диктофона, вы критиковали культурную ситуацию Новосибирска.

Это проблема не Новосибирска, а всей российской провинции, в Новосибирске все совсем не плохо. Провинция России — это ключ к будущему. Я из тех, кто верит, что все хорошие вещи должны случиться в следующие десять лет именно в провинции, а не в столицах. Почему? В столицах все пресыщены, у них слишком сильный загар от славы, в которой купаются столько лет. Этот загар не смоешь. Так что будущее России — в провинции, но, естественно, там нужны правильные люди.

К сожалению, провинция живет до сих пор по советской идеологии, это просто декаданс. Молодежь агрессивна, а самый ужасный феномен — отсутствие культуры в народе. Что я имею в виду? Когда театр изолирован от массового слушателя, он — такое же здание, как мэрия, на которую ты все время смотришь, но никогда туда не заходишь. Потому что у тебя там нет никаких дел. Мне, например, нравится здание петербургской мэрии, но я ни разу не был внутри — незачем было. То же самое происходит у многих людей с театрами и филармониями. Будет свадьба — сфотографируемся на фоне. Это что значит? Что их это не касается, как нас не касается мэрия, потому что мы не политики. Что нужно делать, чтобы касалось? Многие зависят от средств массовой информации: нужно сделать так, чтобы люди интересовались культурой как модой. Когда культура будет значима для всех, тот, кто не ходит в театр, будет бояться показаться маргиналом. Например, человек, которому 25 лет, но он не пьет пиво, считается странным. Потому что пиво и вообще алкоголь значимы в культуре. А опера — нет. Что нужно делать? Вся инфраструктура культуры, государство, массмедиа должны сделать классическую музыку модной.

Вы считаете это возможным? Но мы имеем дело с очень небольшим числом поклонников классической музыки и гораздо большим числом тех, кому эта часть академической культуры неинтересна.

Проблема немножко другая. Она есть и для тех людей, которые ходят на классические концерты. Есть популярные имена, но у многих слушателей нет развитого слуха, чтобы отличать истинное от неистинного, черное от белого. Поэтому у нас ходят, например, на концерты Кабалле, которую невозможно слушать.

Очень важно, чтобы люди начали отличать, что хорошо, что плохо. Самая большая работа — это окультуривать некультурных. Есть люди, которые включают громко музыку в машине, открывают дверь, выходят из автомобиля и слушают какую-то самую отвратительную попсу. Такие люди глухи, они не слышат ничего. Большинству из них нужна психиатрическая помощь. Поэтому в Новосибирске я делаю концерты на открытом воздухе. Надо, чтобы туда пришло много людей, пусть с пивом, и сидели бы там. Я не люблю на

улице играть, честно скажу. Я люблю играть в Большом зале консерватории. Но это надо делать.

Мы собираемся сейчас просить, чтобы нам разрешили играть в больницах и тюрьмах. Надо играть суперкачественную музыку для людей, не принижать их способности, а то начинается: «Нет, это сложно, это не для меня». Нет, это для тебя! Почему это происходит, знаете? Потому что эта засранная академичность российской музыки изолировала классику. А классическая музыка — страстная музыка. Это музыка, которая требует коммуникации, требует изменений в жизни. После концертов я это все время говорю. Человек должен опьянеть, влюбиться, должен после концерта обязательно кому-то позвонить! Когда влюбляются, отправляют любовные эсэмэски. То же самое должно быть после концерта. А вот эти академические дядьки и тетки изолируют музыку, превращают ее в какой-то неестественный вид искусства. Это люди, которые поклоняются неестественному, которые неестественно сидят, изображают аристократов. Надевают бабочки и смокинги. Почему? Из-за того, что их предки в XIX веке так одевались, выходя на улицу? Это же не было униформой музыкантов! А сейчас люди, хотя у них зеленые носки, надевают этот камуфляж. Это маска, это униформа.

Рок-музыка более искренняя, и потому ее воспринимают лучше, чем классическую. Рок-музыканты в клубе играют в двух шагах от слушателя, и всем видно, как они бьются. Мне больше может понравиться народный певец, чем классический. Музыка не имеет границ. Она имеет вкус и качество. Иногда необразованные люди могут творить большие чудеса, чем академики и народные артисты.

Ну, хорошо, у вас есть логичный план действий. А есть ли у российской музыки реальные перспективы, чтобы он воплотился?

Да, есть. Нужно воспитывать молодых людей. Все люди, которые играют уже много лет в оркестре, во многом испорчены. У них отсутствуют ритм, понимание музыки. Это роботы. И смотрите, как они общаются в личной жизни: жена, собака, телевизор — и вот это счастье их жизни. Ты закончил консерваторию, тем самым завершил исследование музыки, а теперь надо зарабатывать деньги. Но окончание консерватории — только начало. Музыка нужно учиться всю жизнь. Поэтому мне нужны молодые ребята — не по возрасту, а молодые внутренне, которые не находят покоя. У них просто нет жизни без музыки. Они преданно любят искусство и свою родину — вот такие люди нужны.

Нужны деньги, чтобы привезти педагогов из-за границы, чаще проводить мастер-классы. На самом деле ситуация парадоксальная, потому что в Москве на тот же оркестр Musica Aeterna спрос огромный, но иногда мы просто не можем привезти ребят, потому что это дорого. И если есть условия для работы в Москве, то одновременно нужно создать такие же условия в Новосибирске, чтобы ребята там не сидели, голову не чесали и не думали: а как бы подойти к Теодору и попросить его перебраться в Москву? Музыкант не должен думать о том, где бы ему завтра взять денег, чтобы детей накормить. Моим музыкантам по-настоящему интересно играть. Нужно только помочь им это сделать.

Но я не хочу сказать, что все совсем плохо. Вот только что закончился фестиваль «Территория». Другого такого фестиваля, который комбинирует музыку, театр, кино, танец, нет. Это происходит второй год: мы привозим ребят из провинции, чтобы они общались с большими артистами будущего — не прошлого, а именно будущего — и получали новую информацию. Это так важно, чтобы в Самаре знали Роберта Уилсона! Если такие имена попадут в наш культурный багаж, будет по-настоящему интересно.

Автор: Михаил Калужский,
"Русский репортер"

© Babr24.com

КУЛЬТУРА, РОССИЯ

👁 3020

31.10.2007, 11:53

👍 167

URL: <https://babr24.com/?ADE=40815>

Bytes: 12320 / 12320

Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)